

Когда девушка в алом бросила, что еда отравлена, Чжуан Шаогун вздрогнул, и его мысли мгновенно прояснились.

В этой глуши, среди диких скал — и вдруг юная красавица? Да и стол накрыт так обильно, что не всякому знатному дому под силу.

Где таится странное, там жди беды. Шаогун не был слеп, просто до этого момента разум его занимала лишь смерть невинного человека по вине Умина. Балансируя на весах долга и совести, он пребывал в смятении: от страха и раскаяния до глухого раздражения. О собственной безопасности он позабыл вовсе, а потому и не заметил очевидного.

— Эй, — окликнула его девушка. — Ты не веришь, что это человечина, но веришь мне, ученице Врат Богини?

Услышав название секты, Чжуан Шаогун сразу всё понял. Даже те, кто не слышал о Вратах Богини, знали легенду о богине горы Ушань. О том, как чуский царь Хуай, гуляя по тем склонам, встретил во сне прекрасную деву, разделившую с ним ложе. С древности поэты воспевали эту встречу, и в сердце каждого мужчины, верно, жила своя «богиня» — та, о ком вздыхают наяву и кого видят лишь в грезах.

Врата Богини, что на Пике Богини в землях Башу, славились своими ученицами. Говорили, каждая из них прекрасна настолько, словно сошла со страниц чужого сна. Матушка Юй предупреждала Шаогуна: эти девы не созданы для семейного очага. Они знают лишь радость мимолетных утех, но не тихую нежность долгих лет. Те, что нравом покладистее, легко расстаются с возлюбленными; те же, чьи сердца полны яда, готовы потянуть избранника за собой в могилу.

Глядя на девушку, втайне подсыпавшую отраву, и на невозмутимого Умина, Шаогун осознал истинную суть происходящего: обида обернулась ненавистью.

Умин же, не проронив ни слова, продолжал трапезу, поглощая ядовитые яства с таким видом, будто перед ним были лучшие деликатесы империи.

«Неужто в нём всё же теплится чувство? — подумал Шаогун. — Быть может, он не может ответить ей взаимностью и потому добровольно принимает смерть из её рук?»

Никогда не знавший любви, он невольно расчувствовался, не находя подходящих слов.

— Тебе всё равно не понять, — хихикнула девушка в алом. — У нас здесь «литературный поединок».

— Литературный поединок? — недоуменно переспросил Шаогун.

— Эти восемнадцать блюд называются «Сон царя», — пояснила она. — Сдобрены они тридцатью шестью видами ядов. Даже мастер первого ранга, отведав их, изойдет кровью — внутренности просто сгниют.

Шаогуна охватила смесь ужаса и боли. Каким бы беспутным ни был Умин, видеть, как он столь безжалостно губит себя, было невыносимо. Неужели дело вовсе не в любви? Неужели Умин, чувствуя себя брошенным, решил свести счеты с жизнью прямо у него на глазах?

— Девушка, — тяжело вздохнул Шаогуна, — за что ты так жестока?

— Я? Ничуть. В открытом бою я бы и шага не сделала, как была бы мертва. А он мараить руки ленится. Какой у меня был выбор?

Пока они препирались, Умин не спеша зачерпнул ложкой томленные олени жиры и запил их глотком вина из черных пчел.

Он тонко чувствовал игру ядов: в жилах таился «порошок холодного приема», вызывающий нестерпимый жар, а вино из черных пчел, напротив, несло в себе ледяную, иньскую смерть. Столкнувшись, два яда гасили друг друга, оставляя лишь изысканный привкус и не причиняя вреда.

В утиных лапках пряталась «горечь тоски», от которой сердце заходило в судороге, но стоило заесть её пирожным из мандрагоры, как боль отступала.

Однако каждое блюдо содержало не один яд: одни усиливали друг друга, другие требовали сложных противоядий. Чтобы обезвредить всё это пиршество, требовалось ровно четыреста семьдесят три глотка. Потому и ел Умин так терпеливо, размеренно и по-своему изящно.

Девушка вдруг переменялась в лице. Она спешно достала письменные принадлежности и принялась лихорадочно записывать названия блюд, к которым притронулся Умин.

— Пять лянов, — внезапно подал голос тот.

Девушка замерла.

— Я кормлю тебя таким обедом, всего лишь за один рецепт, а ты требуешь серебро?!

— Золотом, — уточнил Умин.

Чжуан Шаогуна, хоть и не понимал тонкостей этой схватки, видел: беда миновала. Он облегченно выдохнул и молча наблюдал, как девушка выводит долговую расписку. Заметив, что Шаогуна подошел ближе, она вскинула голову и сердито на него шикнула.

Умин, забавляясь их переглядками, подхватил еще не просохшую бумагу и медленно направился к лестнице.

Проводив его долгим взглядом, девушка печально вздохнула:

— Ему всего восемнадцать, а ведет себя как дряхлый старик.

— Восемнадцать?.. — Шаогуну стало неловко. Он-то думал, Умину от силы лет шестнадцать.

Девушка же смерила его удивленным взглядом:

— Ты такой простофиля. Наверняка даже не знаешь, как пользоваться «Бедствием болезни».

При воспоминании о рассуждениях Умина, сравнивавшего себя с оружием, Шаогун нахмурился. На душе стало скверно, но спорить он не стал.

— Слушай, дурень. Я ведь пришла, чтобы похитить тебя, но признаю поражение. Считаю, что я делаю это ради самого Умина. Если ты доберешься до Цзиньлина, и он, и глава Союза Неба и Земли Е — не жильцы.

Чжуан Шаогун застыл на месте.

— О чём ты? У него вражда с Главой Союза Неба и Земли Е?

— Откуда мне знать? — отрезала она. — Так сказала наша наставница, а она знает такое, за что любого другого убили бы сотню раз. Я — «Танец с веером» из нашей шестерки. Будешь в Шу — заглядывай в гости. Горы не меняются, воды текут вечно — еще свидимся!

Алая вспышка — и девушки не стало. Лишь со двора донеслось ржание лошади, уносящей её прочь.

Шаогун постоял, глядя в пустоту с невольным восхищением. По сравнению с этими вольными душами он чувствовал себя неповоротливым и тяжелым. Его пригласили на состязание за руку дочери главы Союза Неба и Земли, и он поехал лишь за тем, чтобы мир посмотреть. Авось повезет, и дева Е Яньлань обратит на него взор. Впрочем, женская красота его заботила мало; он просто не хотел огорчать родителей и надеялся найти в Цзиньлине доброго друга.

Но теперь предостережение девушки спутало все карты.

— Умин, та девица сказала, что в Цзиньлин нам нельзя, — произнес Шаогун, войдя в открытую комнату наверху.

Умин сидел на краю кровати и уже собирался раздеться. Услышав гостя, он поднял голову — вид у него был сонный и болезненный.

— У тебя личные счета с главой Союза Неба и Земли Е? — прямо спросил Шаогун.

Умин опустил взгляд и хлопнул ладонью по постели рядом с собой, приглашая присесть.

Шаогун замялся, чувствуя некоторую неловкость, но всё же прошел и сел — чинно, по-ученому выпрямив спину. Так они и сидели плечом к плечу, не глядя друг на друга.

Шаогун не выдержал первым и обернулся. Умин тоже повернул голову и вдруг... улыбнулся.

В голове у Шаогуна зашумело. Эта улыбка была совершенно неуместной. Словно ты идешь по треснувшему льду и вдруг задираешь голову к яркому весеннему солнцу — в глазах темнеет, земля уходит из-под ног, и становится тошно от собственной беспомощности.

Умин же, не обращая внимания на его замешательство, выудил из-за пазухи сверток в засаленной бумаге. Шаогун осторожно принял его, ожидая найти там разгадку тайной вражды. Внутри что-то перекатывалось.

Развернув бумагу с величайшей осторожностью, он увидел... блестящие финики в меду. А под ними — две лепешки, помятые, но всё еще хранившие тепло.

Сердце Шаогуна сжалось. Умин съел восемнадцать отравленных блюд, но лучшее припас для него.

— Ешь, — коротко бросил Умин.

Шаогун судорожно выдохнул, глядя в окно на сгущающиеся сумерки.

— Ты... всё еще злишься? — негромко спросил Умин.

Шаогун с трудом выдавил:

— Нет...

Умин, не заметив его волнения, потянулся и с тихим вздохом растянулся на кровати.

— Я ходил к чиновнику, чтобы сдаться. Тот сказал, что его уезд слишком мал для меня. Дал пятьсот лянов и просил ехать в управу округа. Мы сбились с пути — за тем перевалом уже уезд Пинло.

Слова эти ударили Шаогуна под дых.

— Умин! Ты снова взялся за старое? Грозил слабому, вымогал деньги!

— Считай это платой за спокойствие. Если бы я не взял, он бы от страха умом тронулся.

Шаогун терялся в догадках. Разбойники с гор Бачжан, уездный судья... почему они так боятся этого мальчишку? Если он убийца, то почему пощадил девушку в алом? Да и лепешки эти... Разве злодей стал бы так заботиться о попутчике?

«Может, я во всём ошибся и оклеветал невинного?»

Он обернулся к лежащему юноше:

— Умин, тех разбойников... правда ты убил?

Умин нахмурился, словно разговор стал ему в тягость. Он открыл глаза и пристально посмотрел на Шаогуна:

— Вот я смотрю на тебя. Неужто тебе умереть охота?

— Я тебе не Вэй Цзе, — проворчал Шаогун, — от твоих взглядов не скончаюсь. Скорее уж от злости.

— Лишние думы до добра не доводят, — отозвался Умин. — Есть одно старое дело, да рассказ выйдет слишком долгим.

Шаогун промолчал, чувствуя, что им нагло помыкают, но в то же время признавая долю истины в этих словах. Обида улетучилась, а вместе с ней забылись и вопросы. Умин же, как ни в чем не бывало, закинул ногу ему на колени.

Шаогуну это показалось знаком примирения. Он никогда не был так близок со сверстниками, и в груди шевельнулось что-то непривычно мягкое. Тучи рассеялись: этот одинокий, неприкаянный мальчишка, оказывается, тоже умеет искать тепла...

— Когда мы уезжали, ты обещал Усиню, что будешь прислуживать мне вместо него, — лениво пробормотал Умин, не открывая глаз. — Ступай за водой. Живо.

Через десять минут Чжуан Шаогун, гремя медным тазом и сжимая в руке лампу, с перекошенным лицом спускался на кухню.

Привычный к домашним трудам, он и воды бы согрел, да только момент был испорчен. Вместо душевного разговора — приказ мыть ноги. Шаогун сердито швырнул дрова в печь, зачерпнул воды и вдруг замер, заметив в углу черную тень.

Тень вжалась в стену и жалобно заскулила:

— Пощадите, дедушка! Смилуйтесь, добрый господин!

Шаогун отдышался и поднял лампу:

— Друг, что с тобой?

В неверном свете огня незнакомец поднял голову. Глаза его были полны ужаса, а всё лицо покрывали сочащиеся гноем язвы.

Шаогун отпрянул, но чья-то горячая ладонь мгновенно зажала ему рот. Крепкая рука подхватила его, не дав выронить лампу.

— Молодой господин, не пугайтесь. Это я, ваш возничий.

Шаогун узнал голос Ма-возничего и облегченно выдохнул. Тот посветил на несчастного в углу.

— Ты кто такой?

Человек прикрыл лицо лохмотьями и прохрипел:

— Я... я здешний подмастерье.

Шаогун признал в нем того самого малого, что встречал их у входа, но лицо его изменилось до неузнаваемости.

Возничий подошел к длинному столу, где обычно рубили мясо, взял миску с горячей лапшой и протянул Шаогуну:

— Ешьте, господин. Коней я накормил. А в этом месте промышляют человечинной, так что из общего котла лучше ничего не брать.

Шаогун качнул головой и слабо улыбнулся:

— Спасибо, брат Ма. Я сыт.

— Стало быть, вы поладили с «тем молодым человеком»? — усмехнулся возничий.

Шаогун кивнул, прижимая к себе пустой таз.

— Тут и впрямь торгуют людьми?

— Чистая правда. Тот юноша, верно, почуял, что вы угодили в «Лавку забоя овец», и, хоть и был не в духе, примчался на выручку. А этот малый... получил, видать, от него сполна. По заслугам и кара.

Шаогун снова бросил взгляд на искалеченного слугу, и ледяная дрожь пробежала по его спине. Тем временем возничий простучал глиняную стену, вонзил пальцы в кладку и с силой рванул на себя, выламывая кусок стены вместе с замаскированной дверью.

— Взгляните сюда, господин, — глухо произнес он.

Шаогун заглянул внутрь и вмиг побелел как полотно.

***

Когда Шаогун, пропахший кровью и сыростью, вернулся на второй этаж, была уже глубокая ночь.

Умин крепко спал, свесив ноги с кровати. Шаогун вздохнул, поставил таз и, бережно сняв с него сапоги и белые матерчатые чулки, принялся обмывать его ступни. Затем сменил воду, умылся сам и сел к столу.

Воспоминания о том, что он увидел за потайной дверью, не давали покоя. Мир оказался куда чернее и страшнее, чем он мог вообразить. Боясь теперь даже на шаг отойти от Умина, он зажег светильник, растер тушь и принялся писать бесконечно длинное письмо домой.

<http://bllate.org/book/17481/1692827>